

НАШ КОЗЛОВСКИЙ

К 80-летию со дня рождения

Влиять на духовный мир целых поколений — удел немногих избранных. Такими избранными в прошлом были Станиславский, Качалов, Ермолова, Шаляпин, Собинов, Нежданова. Козловский — в этом же ряду. Скажу так: искусство Козловского впитывалось любими моего поколения со школьного возраста и сопровождало на протяжении всей жизни.

Козловский работал в окружении плеяды замечательных певцов. Нежданова, Барсова, Степанова, Катульская, Держинская, Обухова, Максакова, Рейзен, Пирогов, Михайлов, Лемешев, Норцов, Ханаев, Озеров. Здесь, что ни имя — славная страница в летописи нашего искусства. Но даже на фоне этих звезд Козловский был и остался неповторимым художником.

Часть творческого пути певца связана с Уралом. У старых театралов Перми есть основания гордиться тем, что они были живыми свидетелями начала расцвета лучезарного таланта молодого Козловского на сцене нашего театра, что они видели его в образах Ленского, Владимира Дубровского, Герцога, Фауста. В тайниках памяти остались незабываемые воспоминания от встреч с искусством И. С. Козловского в 1926 и 1931 гг.: высокая стройная фигура певца, изящество и пластика движений, интеллигентность, выразительность жеста, чарующий голос. Что поражало в нем уже тогда? Свежесть интерпретации давно знакомых образов, яркая индивидуальность, блестящее вокальное мастерство. Угадывалось большое будущее молодого певца.

Шли годы, десятилетия. Продолжалась непрерывная, самозабвенная, не знающая усталости работа над совершенствованием мастерства. Искусство Козловского, ничего не потеряв в своей свежести и самобытности, засверкало новыми красками. Козловский — тончайший лирик. В

основе этой возвышенной лирики — драгоценный сплав поэзии, отточенного мастерства, нежности и вдохновения. Лирические образы Козловского в операх русских и зарубежных композиторов стали уже советской классикой, эталоном мастерства. Но не только лирические образы доступны певцу. Вспомните образ Юродивого в «Борисе Годунове». В его исполнении он вырастал до размеров символа несчастной, голодной, обездоленной Руси эпохи Бориса Годунова.

Козловский на концертной эстраде — это особый, новый и огромный мир музыкальных образов. Русский романс с его глубиной чувства и мелодическим богатством, с его чарующей красотой наиболее близок дарованию певца. «Я помни чудное мгновенье» Глинки, «Средь шумного бала» Чайковского, «Редеет облаков летучая гряда» Римского-Корсакова, «Не пей, красавица» Рахманинова — да разве можно перечислить все, спетое им! А сколько незаслуженно забытых произведений возвращено к жизни благодаря Козловскому! Достаточно назвать в этом ряду один из любимейших романсов Козловского «Я встретил вас», которому он дал вторую жизнь.

Еще одна замечательная страница творчества Козловского — народная песня, русская и украинская. С какой бережностью относится певец к этому национальному богатству! «Взять у народа его песни и, облагородив, вернуть народу — таков наш долг» — говорил Козловский в одном из своих выступлений. С удивительной проникновенностью передает певец красоту и нежную грусть русских народных песен. А как выразительно, как красиво звучит в его устах русское слово! Он обладает каким-то волшебным даром — передавать русскую речь во всем богатстве ее красок и интонаций, в ее первозданной чистоте. Думается,

это трепетное отношение к звучащему слову Козловский унаследовал от корифеев русской сцены — Качалова и Москвина, Яблочкиной и Садовского, Остужева и Книппер-Чеховой — его старших современников.

Искусство Козловского сопровождает людей вот уже шесть десятилетий. На мою долю выпало счастье слушать его сначала в Перми, в 1926 и 1931 гг., а затем в Москве. Воспоминания об этих встречах неизгладимы. Но одно из них особенно дорого.

Москва. Тревожная осень 1941 года. Город живет чуткой, настороженной жизнью. Начались ночные налеты фашистской авиации. Фронт совсем близко. Изменился облик города. Он стал суровым. На площадях — батареи зенитных орудий, в парках и на бульварах — сигары аэрорешетов воздушного заграждения. Нет обычного оживления на улицах. Здание Большого театра — в лесах — еще весной начались работы по реставрации, но их прервала война. Спектакли теперь давали на сцене филиала — по ул. Пушкина. Начинались они очень рано, днем.

Идет «Евгений Онегин». В зале много людей в военной форме. Льется чарующая музыка Чайковского, столь знакомая... Но как изменилась тональность спектакля в эти суровые дни! Искусство Большого театра стало восприниматься с обостренным чувством любви, нежности и тревоги. А с каким вдохновением пел в этом спектакле Козловский! Сколько было истинной поэзии, задушевности, красоты в каждом звуке его волшебного голоса, в каждом слове, в каждой фразе.

И еще одно воспоминание. Маньчжурия, сентябрь 1945 года. Закончилась война с Японией. Радист нашей части ловит Москву. И вдруг, среди хаоса звуков, голос — до боли знакомый:

...Тихо вокруг
Сопки покрыты мглой...

Да, это был вальс «На сопках Маньчжурии», и пел его Козловский. У многих из нас увлажнились глаза. А ведь это были отнюдь не сентиментальные люди... Вот она, сила настоящего искусства!

Г. СЕДЕЛЬНИКОВ,
вeteran войны и труда.
г. Пермь.